

DOI: 10.17976/jpps/2018.05.04

ПРОЛОНГАЦИЯ “МОСКВОЦЕНТРИЧНОСТИ” РОССИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА: *PRO ET CONTRA*

А.Г. Дружинин

ДРУЖИНИН Александр Георгиевич, доктор географических наук, профессор, профессор-исследователь, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград; директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону. Для связи с автором: alexdru9@mail.ru

Дружинин А.Г. Пролонгация “москвоцентричности” российского пространства: *pro et contra*. – Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 29–42. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.04>

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 18-010-00015 “Модели, эффекты, стратегии и механизмы включения западного порубежья России в систему ‘горизонтальных’ межрегиональных экономических связей в контексте формирования ‘Большой Евразии’”.

Статья поступила в редакцию: 01.02.2018. Принята к печати: 18.04.2018

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена “москвоцентричности” как общественно-географического, культурно-ценностного и политико-экономического явления, исследованию его ретроспективы, факторов и основных проявлений, оценке целесообразности и возможности “размосквичевания” России и “разстоличивания” Москвы с учетом складывающихся геэкономических и геополитических реалий. Проанализирован исторический (с XVI столетия) тренд формирования “москвоцентричной” модели организации российского пространства. Показано, что характерный для постсоветского периода стремительный рост социально-экономической асимметрии в развитии Москвы (все более интегрирующейся с сопредельными урбанизированными территориями) и “нестоличных” регионов Российской Федерации ведет не только к стагнации и деградации периферии, но и к углублению кризиса Москвы. Обосновывается необходимость, с одной стороны, реосвоения высокопроблемных российских территорий (включая приграничные, приморские, с активными трансграничными связями), с другой – крайне взвешенного отношения к перспективе полицентрического развития страны, его стимулированию лишь одномоментно с повышением общей экономической плотности (импульсы развития должны быть распространены на 200–250 городских центров) и обеспечением связности российского пространства.

Ключевые слова: российское пространство; центр; периферия; поляризация; москвоцентричность; Москва; общественная география.

“Чтобы существовать, – полагал Фернан Бродель, – городу нужно... господствовать над какой-то ‘империей’, пусть даже крохотной” [Бродель 2007: 449]. Корректность этого постулата (созвучного широко укорененным ныне идеям о поляризации пространства, его центр-периферийном мироустройстве, глобальных городах, метрополизации) предельно ощутима применительно к крупнейшим, доминирующим, наделенным столичными функциями городским поселениям; центростремительные эффекты (предопределяющие “особость” главного города, его эксклюзивные функционал и позиционирование в селитебной, хозяйственной и политической системах) отчетливо выражены и в России, стране “необъятного, непокорного, разбегающегося пространства” [Ильин 1934: 5], “континента в себе” [Савицкий 1997], чья история – процесс аккумуляции господства

[Макаренко 2010], а география – сеть городов, изначально ориентированных на овладение территорией [Лаппо 2002] через выстраивание жесткой иерархии [Пуляркин 2005].

Пространство, его структуры – с одной стороны, устойчивы, инерционны, что проявилось в пятисотлетнем воспроизводстве “москвоцентричности” российского общества. С другой – динамичны, подвержены кризисным состояниям. Последнее десятилетие характеризуется ростом проблем, сопряженных с транзитивностью полимасштабной системы “столица – периферия”. Их существо наглядно иллюстрирует не только все большая критичность дискурса, связанного с положением Москвы в стране, но и пресловутая “Доктрина ‘размосквичивания’”, акцентирующая внимание на этих застарелых проблемах и декларирующая столь же традиционные, не всегда эффективные способы ее решения в существенно изменившемся российском и евразийском контексте. И безусловно не случайно то, что эта доктрина была “запущена” в СМИ в период разработки “Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года”, а также в предстартовый момент электорального (президентского) цикла.

Цель статьи – высветить ретроспективу “москвоцентричности”, факторы и основные проявления этого масштабного (и практически “всеохватного” в пределах Российской Федерации) географического, культурно-ценностного и политико-экономического явления в постсоветский период, идентифицировать современный его тренд, оценить целесообразность и возможность изменения позиционирования Москвы в российском пространстве с учетом складывающихся геоэкономических и геополитических реалий.

30

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОЛЕЯ “МОСКВОЦЕНТРИЧНОСТИ” РОССИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

“Возвышение” Москвы, связанное с формированием и развитием России в ее современных (начиная с XV-XVI вв.) политико-территориальных и этнокультурных форматах, первоначально протекало под преимущественным влиянием военно-политических и конфессиональных факторов. Симптоматична характеристика Москвы эпохи первичного “собирания земель” как “военно-монашеской” [Гумилев 1989]. На фоне становления централизованного государства и фактически первой *общероссийской поляризации* (сопровожаемой интенсивным стягиванием культурного потенциала в Москву [Суший, Дружинин 1994]) столица на три столетия превратилась в общенациональную демографическую доминанту. Уже к концу XVI в. численность ее населения превысила 100 тыс. чел., тогда как во “втором” городе (Новгороде) не достигала 26 тыс. [Зимин, Хорошкевич 1982] при том, что столетием ранее демографический потенциал этих двух ведущих городских центров был примерно равен. И хотя в 1712 г. Москву лишили подавляющей части столичных функций, а четыре десятилетия спустя (вплоть до 1918 г.) она оказалась второй и по показателю людности, “историческая колея” “москвоцентричности” *российского пространства* (институты, инфраструктура, система расселения, локализация хозяйственной активности и др.) была уже четко прочерчена, предопределив как пришедшуюся на вторую половину XIX

¹ Спасти Москву и Россию. Что предлагает “Доктрина ‘размосквичивания’”. – *Новые Известия*. 20.08.2017. Доступ: <https://newizv.ru/news/politics/20-08-2017/spasti-moskvu-i-rossiyu-chto-predpolagaet-doktrina-razmoskvichivaniya> (проверено 04.01.2018).

столетия и далее опережающую (в сопоставлении с Санкт-Петербургом) динамику города, так и отнюдь не конъюнктурное решение советского правительства о возвращении ему статуса столицы.

Вплоть до первой половины XX столетия “москвоцентричность” проявлялась преимущественно в политико-территориальной, культурно-ментальной и, отчасти, хозяйственной сферах, не деформируя кардинальным образом селитебную сеть страны, не воздействуя напрямую на повседневность основного массива ее преимущественно сельских жителей. Показательно, что к концу XVII столетия удельный вес столицы в совокупном населении страны составлял 3,5% [Водарский 1977: 57]. Согласно данным первой всеобщей переписи 1897 г., этот показатель оказался еще ниже – 0,8% (6,2% городского населения); доля “двух столиц” не превышала при этом 1,8% (или 12,7% от всего числа горожан Российской Империи)². Доминанта “главного города” (городов) в растущей, уплотняющейся урбанистической сети уравновешивалась устойчивым (столь же активно наращивающим свой географический ареал) массивом сельской России.

Возвращение столицы в Москву (знаково-символическая трансформация, предопределившая последующую максимальную геополитическую и геокультурную централизацию пространства [Замятин 2009]) инициировало стремительный рост населения города: за 1920–1926 гг. численность его удвоилась, а затем (к 1939 г.) – возросла еще в два раза [Денисенко, Степанова 2013]. Корреспондируя с индустриализацией и урбанизацией (только за 1926–1939 гг. удельный вес горожан в стране возрос с 17,9 до 32,9%³), эта динамика (достигшая пика к началу 1930-х годов [Вендина 2012]), опиралась в первую очередь на демографический потенциал сопредельных регионов Нечерноземья (являющих обширный ареал центроориентированной миграции [Хорев 1975]) и сопровождалась “расползанием” городской территории⁴.

Ко второй половине XX столетия “венчаемая” Москвой центр-периферийная система достигла своего пространственного максимума (возглавляемая СССР геополитическая группировка в тот период лишь в пределах евразийского материка контролировала почти 64% территории, а миграционная привлекательность столицы обеспечивалась не только спектром ее функций, но и стабильно поддерживаемым повышенным (в сопоставлении с большинством других городских поселений страны) качеством жизни. Как следствие, нормативно зафиксированные пределы роста населения Москвы (5 млн чел. в Генеральном плане 1935 г. и 7,5 млн – 1971 г. [Перцик 1991]) превышались, а в исследовательском сообществе нарастала обеспокоенность многоаспектными негативными последствиями гиперконцентрации населения [Агафонов и др. 1982]. Отметим, что на фоне стабильно замедляющегося прироста людности Москвы (в 1959–1970 гг. – 180 тыс. чел. в среднем за год; 1970–1979 гг. – 106 тыс.; 1979–1989 гг. – 96 тыс.) удельный вес столицы в городском населении страны постепенно сокращался (см. табл. 1).

² Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. 1. Санкт-Петербург. 1905.

³ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Издание ЦСУ Союза ССР. 1928. Т. 9. С. 2–13. Т. 17. С. 2–3; Всесоюзная перепись населения 1939 г.

⁴ Симптоматично, что в советский период истории Москве “прирезали” территории шесть раз, что в итоге обеспечило почти пятикратное увеличение ее площади.

Москва в меняющемся урбанистическом пространстве СССР
Moscow in the Changing Urban Space of the USSR

Годы	Удельный вес городского населения, %	Численность городского населения СССР, млн чел.	Число жителей Москвы, тыс. чел.	Доля Москвы в городском населении страны
1939	32,9	56,1	4137	7,4
1959	48,0	100,2	5085	5,1
1970	56,3	136,0	7061	5,2
1979	62,3	163,6	8011	4,9
1989	65,8	188,8	8967	4,7

Примечание. Составлено по данным всесоюзных переписей населения⁵.

Главная причина этого присущего практически всему XX в. фактического “размосквичивания” городского населения нашей страны (во многом парадоксального, проявившегося в условиях безусловной культурной и научно-образовательной доминанты Москвы [Суший, Дружинин 1994], превалирования вертикальных властных отношений [Колосов и др. 2003] и устойчивой центростремительной миграционной динамики) кроется, как видится, в пролонгированном действии достаточно эффективных механизмов пространственного развития по *иерархически выстроенной, но, одновременно, в целом полицентрической модели*. Тем не менее и в тот период во взаимоотношениях центра и периферии, а также в соразвитии регионов имели место разноаспектные проблемные ситуации и противоречия. Как констатировал в середине 1980-х годов видный геоурбанист и специалист по региональной политике Борис Хорев, “мы идем по пути, продиктованному ведомственно-отраслевым подходом в управлении, внося в него лишь коррективы, исходящие из интересов регионального и комплексного развития” [Хорев 1989: 19].

Распад СССР и новые политико-экономические реалии существенно видоизменили позиционирование Москвы в пространстве России, предельно обнажив векторы и проблемные ситуации “москвоцентричности”.

“МОСКВОЦЕНТРИЧНАЯ” МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: “СЖАТИЕ”, ДОМИНАНТА, КРИЗИС

С конца 1980-х годов наблюдался стремительный демонтаж “центрированного” на Москву (ее властные, научные, образовательные структуры, контролируемый столицей ресурсный потенциал) так называемого социалистического лагеря. Ситуацию усугубил 1991 г., когда за пределами новообразованных после распада СССР границ осталась более половины населения бывлой сверхдержавы, 24% ее прежней территории и 40% производственного потенциала. Исторически сложившаяся сфера влияния Москвы испытала существенное “сжатие”, усугубляемое интенсивным экономическим спадом на фоне стремительного (практически шокового) внедрения рыночных отношений и имманентного им неравного обмена (“создателя неравенства в мире” по Ф. Броделю [Бродель 2007: 29]).

⁵ Демоскоп Weekly. Приложения. Данные всесоюзных переписей населения. Доступ: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=6> (проверено 06.01.2018).

Феномен ярко проявившейся уже в первые постсоветские годы “социально-экономической дистанции” между столицей и прочими городами, территориями Российской Федерации, равно как и разноплановые причины роста поляризованности и центростремительных векторов многократно акцентированы, в том числе и российскими географами-обществоведами [Колосов и др. 1998; Каганский 2001; Гладкий 2006; Родоман 2008]. Не останавливаясь на этом детально, зафиксирую внимание лишь на важнейших для Москвы и ее положения в российском пространстве изменениях.

Прежде всего, в силу таких фундаментальных причин, как агломерационный эффект, опережающее (и наиболее эффективное в сопоставлении с иными российскими территориями) включение в мирохозяйственные процессы, базовые стартовые инфраструктурные, информационные, кадровые возможности и, конечно же, столичный статус, дополняемый за столетия сложившимся “габитусом повиновения” (в терминологии Пьера Бурдьё) провинции, уже ко второй половине 1990-х годов Москва существенно дистанцировалась от “замкадovской России” по всем важнейшим компонентам уровня и качества жизни (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Удельный вес Москвы в Российской Федерации, %
The Share of Moscow in the Russian Federation, per cent

	1990	2000	2008	2013	2015	2016
Численность населения	6,0	5,9	7,4	8,4	8,4 (8,5*)	8,4 (8,5*)
Численность занятых в экономике	6,8	8,4	9,6	9,8	9,9 (9,9*)	12,1****
Валовой региональный продукт	10,2**	16,3	24,6	21,8	21,7***	20,8*****
Ввод в действие жилой площади	11,1	11,1	5,1	4,5	4,5 (4,6*)	4,2 (4,3*)
Оборот розничной торговли	11,8	29,6	17,0	17,0	15,7 (15,8*)	15,1 (15,2*)
Доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ	...	24,8	20,8	18,2	18,0 (18,0*)	18,7 (18,8*)

Примечание. Составлено по данным Росстата. * без учета Крыма; **за 1995 г.; *** за 2014 г.; **** увеличение среднегодовой численности занятых обусловлено изменением оценки; *****за 2015 г.

Экономический позитив “нулевых” годов подкрепил эту пространственную мегатенденцию, превратив общенациональную столицу в наиболее динамичный и значимый в масштабе страны рынок рабочей силы, фокус инвестиционной активности, а “среднестатистических москвичей” (при глубочайшей их социальной стратификации [Вендина 2012]) – в получателей сопоставимых со среднеразвитыми европейскими странами доходов, связанных в том числе и с обладанием дорожающей собственностью (к 2000 г. почти 52% всех доходов от собственности, полученных по России, приходилось на жителей Москвы). Это нашло прямое отражение в геодемографической ритмике: если в 1991-1995 гг. московское население прирастало в среднем на 13,6 тыс. чел. в год, то в 1995-2000 гг. – на 169,4 тыс., в 2000-2005 гг. – 158,8 тыс. В целом же, по данным Росстата, за постсоветский период (на фоне охватившей страну депопуляции, достигшей максимума к началу 2000-х годов) людность Москвы выросла на 37%, в то время как, к примеру, Санкт-Петербурга – на 11,3%, Казани – на 11,4%, Ростова-на-Дону – на 9,4%.

Утвердившись в роли “глобального города” [Taylor et al. 2002], укрепив эксклюзивные позиции в стране, концентрируя транспортные потоки и логистику, безраздельно доминируя в информационно-идеологическом поле, поддерживая экспансию “своего” крупного бизнеса в регионы⁶, федеральная столица, как ни парадоксально, “приблизила” к себе российские регионы, став для них ключевым инвестором, потребителем товаров и услуг, арбитром, спонсором, предложив новый ментальный образец, мифологизированный социальный трамплин, место престижного трудоустройства, образования, проживания. “Москвоцентричность” стала доминантной характеристикой стратифицированно-интегрированного российского пространства [Калуцков 2015], проявляясь в том числе как система ценностных ориентиров, ключевой из которых – “столичность”. Его доминантным фактором стало позиционирование Москвы в сетевой структуре ведущих мировых урбанистических центров, сочетающееся с выстроенным механизмом “улавливания” и перераспределения важнейшего (в геоэкономическом плане) ресурса страны – природно-сырьевой ренты. На этом фоне Москва обрела ипостась крупнейшей в стране инвестиционной “пирамиды” [Дружинин 2014], чье необходимое для развития города-метрополии расширенное воспроизводство обеспечивалось не только устойчивым притоком составляющих спроса (люди, их труд, финансовые инвестиции и др.), но и предложения (территории для освоения, поглощения, приватизации, капитализации).

Возросшая многоаспектная *взаимозависимость* демографически (и еще в большей мере – экономически, информационно) “расширившейся” Москвы и ее испытывающей “опустынивание” периферии воплотилась не только в стремительном развитии московской агломерации⁷, но и в формировании опоясывающего Москву пространства дач [Трейвиш 2009], а также обширнейшего ареала⁸ трудовой миграции преимущественно в форме “отходничества”. В итоге уже к середине 2000-х годов “москвоцентричность” стала не просто фундаментальной (как ранее), а *главной* характеристикой российского пространства; последнее же обрело выраженную “*москвозависимость*”, понимаемую как непосредственное существенное влияние на динамику всех без исключения регионов и городов страны не только федеральных политических, бюджетно-налоговых, инвестиционных решений, либо “поведения” крупнейших корпораций, но и социально-экономического положения собственно московской агломерации, факторов (в том числе и экзогенных, геоэкономических, геополитических) и перспектив ее развития.

⁶ Из ста крупнейших частных компаний России рейтинга *Forbes* 62 зарегистрированы в Москве и лишь 6 – в Санкт-Петербурге, 1 – в Казани. См.: 200 крупнейших частных компаний России. 2017. – *Forbes*. Доступ: <http://www.forbes.ru/rating/350675-200-krupneyshih-rossiyskih-kompaniy-2017> (проверено 02.08.2018). Еще выше присутствие локализованных в Москве своими головными офисами компаний в рейтинге РБК – в первой сотне их 81. См. *РБК 500*. 2017. Доступ: <https://www.rbc.ru/rbc500/> (проверено 02.01.2018).

⁷ Сальдо миграции между Москвой и Подмосковьем увеличилось с 1990 по 2005 гг. с 500 до 800 тыс. чел. [Махрова, Нефедова, Трейвиш 2012]; на этом фоне последнее десятилетие Московская область уверенно лидирует по коэффициенту миграционного прироста и объему вводимого жилья. См. *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016*. М.: Росстат. 2017.

⁸ За исключением примыкающих к Санкт-Петербургу территорий, это вся европейская часть страны [Между домом... 2016: 504], а также регионы Украины, Молдова, государства Средней Азии и Южного Кавказа.

Еще в 1970-е годы американский географ Питер Хаггет фиксировал внимание на “существовании порога, за пределами которого дальнейшее увеличение размера города становится неэкономичным” [Хаггет 1979]. Нечто подобное (когда любого рода дополнительные агломерационные эффекты становятся все менее ощутимы) последнее пятилетие, вероятно, начинает испытывать и Москва: статистика стабильно фиксирует трансформацию столицы (и всей агломерации) из бывшего “полюса опережающего роста” лишь в первый по “размеру” (хотя и абсолютно доминирующий). Эта новая реальность, впрочем, предвиделась экспертами [Балацкий, Гусев 2007]; очевидно, осмыслена она и властью, инициировавшей ряд шагов по реконфигурации московского пространства, включая наиболее масштабные и резонансные – принятое в июне 2011 г. решение о более чем двукратном расширении площади столицы, а также пятилетие спустя – о реновации московского жилого фонда.

Кризис 2014–2016 гг. усложнил положение Москвы. На определенное время лимитированными оказались возможности получения как столичной ренты, так и преференций от геоэкономического взаимодействия и посредничества⁹. Проявлением кризисных процессов стало и наблюдаемое в последние два-три года сокращение миграционного прироста населения московского региона (см. табл. 3), а также существенное уменьшение доли жителей Москвы в денежных доходах населения РФ, в том числе от собственности (см. табл. 4).

Таблица 3 (Table 3)

Миграционный прирост населения в Москве и Московской области, тыс. чел.
Migration Population Growth in Moscow and the Moscow Region, thousand people

Годы	Москва	Московская область	Москва и Московская область
1990	23,5	18,8	42,3
1995	25,9	40,0	65,9
2000	78,9	37,0	115,9
2005	236,0	103,8	339,8
2013	109,0	99,9	208,9
2016	29,7	104,7	134,4

Примечание. Составлено по данным Росстата.

Тем не менее даже в кризисный период федеральная столица смогла успешно “перенаправить” в своих интересах сократившуюся массу контролируемых ресурсов, уже к 2016 г. “нарастив” концентрацию прибыли, укрепив свои инвестиционные и финансовые позиции в масштабе России. Данная ситуация, впрочем, полностью согласуется с превалирующими в исследовательском сообществе представлениями: кризис усиливает позиции Москвы [Балацкий, Гусев 2007; Зубаревич 2015]. Институционально обусловленное перераспределение ресурсов в пользу московской мегаметрополии способно лишь на какое-то время стабилизировать сложившиеся москвостремительные векторы, одновременно усугубляя положение периферии, усиливая противоречия в системе “центр-регионы”.

⁹ Показательно, что за 2014 г. сальдированный финансовый результат хозяйствующих субъектов Москвы сократился более чем вдвое. См. *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017. Статистический сборник*. М.: Росстат. 2017. 1402 с.

Доля населения Москвы в масштабе России, %
The Proportion of the Population of Moscow in Russia, per cent

	1990	2000	2009	2010	2011	2013	2014	2015	2016
В денежных доходах	9,7	24,2	18,5	18,7	18,5	17,8	16,6*	16,8*	16,5*
В том числе в доходах от собственности	10,5	51,7	48,4	49,0	51,4	42,8	39,9*	40,4*	38,3*

Примечание. Составлено по данным Росстата; *без учета Крыма.

ЦЕЛЕСООБРАЗНО ЛИ ПРЕОДОЛЕНИЕ “МОСКВОЦЕНТРИЧНОСТИ” РОССИИ?

В России, в кризисной аритмии обретшей еще более выраженную ипо-стась “архипелага немногих центров в океане периферии” [Между домом... 2016: 437], 34 субъекта Федерации генерируют душевой объем валовой добавленной стоимости ниже среднемирового (эквивалентного 16 400 долл. по ППС в 2016 г.¹⁰), в то время как в шести регионах страны (включая и Москву) аккумулируемый валовый региональный продукт сопоставим с показателями США и Швейцарии. Концентрируя 10,3% населения страны, шестерка ее “высокоразвитых” регионов привлекает (по статистике за 2016 г.¹¹) 27% всех инвестиций в основной капитал и располагает 24% от совокупного объема доходов бюджетов субъектов Российской Федерации.

На этом фоне в подавляющей части российских территорий наблюдается отток населения: отрицательное сальдо миграции имеет место во всех субъектах Дальневосточного федерального округа, в 7 из 12 – Сибирского, 11 из 14 – Приволжского, 6 из 7 – Северо-Кавказского. Пролонгированные процессы экономического “расслоения” территорий лишают подавляющую их часть ресурсов (и перспектив) саморазвития, и симптоматичная, созвучная доминирующим в регионах настроениям идея “размосквичивания” российского пространства в этом контексте не только логично оказалась частью федеральной информационной повестки, но и обладает, как видится, существенным электоральным, политическим потенциалом.

Систему межтерриториального перераспределения (наиболее негативно оцениваемую в сибирских ресурсодобывающих регионах [Безруков 2014]) необходимо видоизменять. Но, ориентируясь на решение этой магистральной задачи, насколько целесообразно стремиться дезагрегировать столетиями складывавшиеся структуры и векторы развития российского пространства, осуществлять его радикальную перебалансировку?

Столицы и “столичность” – неизбежный, практически неустранимый атрибут любого социума. Поэтому можно, конечно, вслед за Петром Великим попытаться осуществить “размосквичивание” России, но абсолютно бесперспективно (пока подобная целостность существует) ее “разстоличивать”. Любого рода “перенос столицы” – это не только политическое решение о радикальной реконфигурации пространства, но и сверхзатратный (высоко-

¹⁰ *The World Factbook*. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/xx.html> (accessed 11.08.2018).

¹¹ *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017. Статистический сборник*. М.: Росстат. 2017. 1402 с.

эффективный для его организаторов, финансовых посредников, подрядчиков, однако обременительный для всего социума) инвестиционный проект. Если исходить из наличия в российской столице более 60 тыс. федеральных чиновников [Зубаревич 2012], то только предоставление им жилья по действующим нормативам обойдется не менее чем в 250 млрд. руб.; с учетом размещения обслуживающего персонала расходы эти можно уверенно учетверить. Сопоставимых по объему бюджетных затрат (либо инвестиций компаний с госучастием) потребует и офисное строительство, и развитие городской инфраструктуры. Если даже растянуть эти траты, скажем, на десятилетний цикл, на этот период необходимо будет как минимум на 2% нарастить расходную часть бюджета РФ. Имплементация идеи “размосквичивания” потребует в итоге дополнительной сверхмобилизации ресурсов и будет сочетаться не с развитием системы федерализма (к чему призывают ведущие отечественные специалисты в сфере региональной политики [Смирнягин 2005; Бусыгина 2011; Кузнецова 2016]), а напротив, с укреплением “вертикали власти”, равно как и присутствия государства в экономике, что лишь приумножит центростремительные эффекты, “подстегнет” отставание периферии.

Не вполне соответствует логике и интересам эффективной организации современного российского пространства и конкретизированная в “Доктрине размосквичивания” предельно радикальная идея переноса столицы *за Урал, на восток страны*¹². Вряд ли это решение найдет позитивный отклик у численно преобладающего населения европейской части страны. Не менее важно учитывать, что в пятисоткилометровом радиусе от Москвы сконцентрированы 22 региона (в сумме это 5% территории и почти 32% населения страны), и этот столетиями формировавшийся, в огромной мере ориентированный на столичный мегалополис компактный “сгусток” городских поселений и хозяйственной активности — не только узловой элемент российского пространства, но и важнейший фактор его устойчивости, равно как и геоэкономической конкурентоспособности. Произвольные, конъюнктурные шаги по ослаблению этого общероссийского “ядра” неприемлемы, опасны для России, геостратегически лишь начавшей “поворот на Восток” [Druzhinin 2016], но на многие годы географически (экономически, этнодемографически) “запрограммированной” на реализацию сбалансированных, многовекторных взаимодействий с внешними “центрами силы” по всему периметру своих границ.

Несколько более логичным видится уже “по умолчанию” реализуемый сценарий умеренного “разстоличивания” Москвы на базе постепенной диффузии толики аккумулируемых “в центре” экономического потенциала и функционала некоторым другим ведущим городским поселениям страны. Процесс этот “стартовал” в 2000 г. с момента создания федеральных округов и института полномочных представителей президента РФ и далее пролонгирован стремлением зафиксировать статус Санкт-Петербурга как “второй столицы”, а также адресными федеральными инвестициями в немногочисленную группу привилегированных городов, избранных в качестве “площадок” тех или иных мегасобытий (Владивосток, Казань, Сочи, Уфа и др.). Поскольку есть все основания полагать, что подобная пространственная стратегия (ориентированная, в частности, на приоритетное развитие 15–20 городских

¹² Климов Д. Перенос столицы России: “за” и “против”. — *Русский мир*. 04.09.2017. Доступ: <https://ruskiymir.ru/publications/229642/> (проверено 31.12.2017).

агломераций, способных “стать локомотивами роста”¹³) и далее будет рассматриваться властью как базовая, хотелось бы подчеркнуть неприемлемость для объединяющей 85 субъектов Федерации опоры на ограниченное число и так уже весьма благополучных (выстроивших собственные центростремительные системы) городов, равно как и любого рода вероятностных экспериментов по дальнейшему рассредоточению министерств и ведомств по избранным “субстолицам” (помимо крупных дополнительных бюджетных затрат чреватого перспективой снижения качества государственного менеджмента).

Пронизываемая, интегрируемая “москвоцентричной” системой, Россия крайне зависима от внешней конъюнктуры. Практически по всему периметру ее рубежей наблюдается формирование транснациональных макро-регионов с выраженными (в большинстве ситуаций – не в пользу России) центр-периферийными градиентами. Наиболее отчетливы они на Балтике, выступающей своего рода “экспериментальной площадкой” трансграничного сотрудничества [Клемешев и др. 2017], причем для Калининградской области (самого населенного в мире региона-эксклава [Федоров, Михайлов, Кузнецова 2017]) включенность в цементирующие Балтийский регион связи уже с конца 1990-х воспринимается как условие выживания [Туровский 2011]. Геополитические и геоэкономические реалии требуют, с одной стороны, освоения высокопроблемных российских территорий (а ресурсы аккумулируемы ныне именно “москвоцентричной” системой). С другой – крайне взвешенного отношения к перспективе полицентрического развития страны, его стимулирования лишь одномоментно с повышением общей экономической плотности (импульсы развития должны быть распространены на 200–250 городских центров), с “доформированием” опорного каркаса расселения (в том числе и в русле концепта “единой системы расселения”, ориентирующего на “координированное развитие всех типов поселений” [Агафонов и др. 1982: 538]). Не менее важно добиться эффекта присутствия “всей России” в каждой точке ее геостратегических значимых рубежей, что также требует обеспечения связности российского пространства.

“Москвоцентричность” – это не аномалия, а многовековая, исторически апробированная, эволюционирующая (и “достаиваемая”) система (способ) территориальной организации российского общества. Преодоление негатива “москвоцентричности” сопряжено, как видится, не со скороспелыми решениями либо следованием неустойчивому, предопределяемому конъюнктурой тренду, а с последовательным развитием федеративных отношений, с культурно-ценностными политико-экономическими “подвижками” в отношении к российской территории, к человеку и среде его обитания, с созданием институциональных и инфраструктурных условий для многократного расширения пространства экономического роста.

Агафонов Н.Т., Лавров С.Б., Хорев Б.С. 1982. О некоторых ошибочных концепциях в урбанистике. – *Известия всесоюзного географического общества*. Вып. 6. С. 533–539.

Балацкий Е.В., Гусев А.Б. 2007. Синдром столичного мегаполиса в российском экономическом пространстве. – *Пространственная экономика*. № 4. С. 5–25.

¹³ “Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года”. Минэкономразвития России. 2013. Доступ: <http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf> (проверено 13.01.2018).

- Безруков Л.А. 2014. Экономико-географическое положение Сибири в России и мире. — *География и природные ресурсы*. № 3. С. 5-15.
- Бродель Ф. 2007. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.* Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Весь Мир. 592 с.
- Бусыгина И.М. 2011. Модель “центр-периферия”, федерализм и проблема модернизации российского государства. — *Политическая наука*. № 4. С. 53-70.
- Вендина О.И. 2012. Мигранты в российских городах. — *Отечественные записки*. № 3 (48). С. 216-229.
- Водарский Я.Е. 1977. *Население России в конце XVII — начале XVIII века*. М.: Наука. 263 с.
- Гладкий Ю.Н. 2006. *Россия в лабиринтах географической судьбы*. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс. 846 с.
- Гумилев Л.Н. 1989. *Древняя Русь и Великая степь*. М.: Мысль. 766 с.
- Денисенко М.Б., Степанова А.В. 2013. Динамика численности населения Москвы за 140 лет. — *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. № 3. С. 88-97.
- Дружинин А.Г. 2014. Метрополии и метрополизация в современной России: концептуальные подходы в политико-географическом контексте. — *Известия РАН. Серия Географическая*. № 1. С.19-27.
- Замятин Д.Н. 2009. Геократия. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации. — *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 71-99. Доступ: <http://www.politstudies.ru/article/4085>
- Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. 1982. *Россия времен Ивана Грозного*. М.: Наука. 184 с.
- Зубаревич Н.В. 2012. Рента столичного статуса. — *Pro et Contra*. № 6 (57). С. 6-19.
- Зубаревич Н.В. 2015. Кризисы в постсоветской России: региональная проекция. — *Региональные исследования*. № 1 (47). С. 23-31.
- Ильин И.А. 1934. *О России. Три речи. 1926-1933*. София: За Россию. 78 с.
- Каганский В.Л. 2001. *Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей*. М.: Новое литературное обозрение. 576 с.
- Калуцков В.Н. 2015. Культурно-географическое районирование России: геоконцептуальный подход. — *Псковский регионологический журнал*. № 22. С. 85-94.
- Клемешев А.П., Корнеевец В.С., Пальмовский Т., Студжиницки Т., Федоров Г.М. 2017. Подходы к определению понятия “Балтийский регион”. — *Балтийский регион*. Т. 9. № 4. С. 7-28. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-4-1>
- Колосов В.А., Вендина О.И., Бородулина Н.А., Середина Е.В., Федоров Д.Р., Климанов В.В. 1998. Создание новой предпринимательской среды в Москве: основные тенденции и противоречия. — *Известия РАН. Серия географическая*. № 5. С. 5-12.
- Колосов В.А., Вендина О.И., Эккерт Д. 2003. Региональные центры в условиях глобализации: проблемы сравнительных исследований. — *Крупнейшие города и вызовы глобализации*. Под ред. В.А. Колосова, Д. Эккерта. М., Смоленск: Ойкумена. С. 5-16.
- Кузнецова О.В. 2016. Москва как объект федеральной региональной политики. — *Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. № 1. С. 606-621.
- Лаппо Г.М. 2002. Формирование сети городов на территории России. — *Проблемы урбанизации на рубеже веков*. Отв. ред. А.Г. Махрова. Смоленск: Ойкумена. С. 19-34.
- Макаренко В.П. 2010. “Свой чужой”: концепт русской власти. — *Политическая концептология*. № 2. С. 130-174.
- Махрова А., Нефедова Т., Трейвиш А. 2012. Московская агломерация и “Новая Москва”. — *Pro et Contra*. № 6 (57). С. 19-32.

Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. 2016. М.: Новый хронограф. 504 с.

Перцик Е.Н. 1991. *География городов (геоурбанистика)*. М.: Высшая школа. 319 с.

Пуляркин В.А. 2005. *Локальные цивилизации во времени и в пространстве*. М.: Эслан. 536 с.

Родоман Б.Б. 2008. Страна перманентного колониализма. — *Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы (полимасштабный анализ)*. М.: ИГ РАН. С. 130 – 138.

Савицкий П.Н. 1997. Континент-Океан (Россия и мировой рынок). — *Континент-Евразия*. М.: Аграф. С. 398-418.

Смирнягин Л.В. 2005. *Общественная география. Федерализм. Регионализм*. М.: КомКнига. 464 с.

Суций С.Я., Дружинин А.Г. 1994. *Очерки географии русской культуры*. Ростов-на-Дону. Изд-во СКНЦВШ. 576 с.

Трейвиш А.И. 2009. *Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведов*. М.: Новый хронограф. 372 с.

Туровский Р.Ф. 2011. Субнациональные регионы в глобальной политике (на примере России). — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 99-117. Доступ: <http://www.politstudies.ru/article/4399>

Федоров Г.М., Михайлов А.С., Кузнецова Т.Ю. 2017. Влияние моря на развитие экономики и расселения стран Балтийского региона. — *Балтийский регион*. Т. 9. № 2. С. 7-27. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-2-1>

Хаггетт П. 1979. *География: синтез современных знаний*. М.: Прогресс. 685 с.

Хорев Б.С. 1975. *Проблемы городов*. М.: Мысль. 428 с.

Хорев Б.С. 1989. *Региональная политика в СССР*. М.: Мысль. 285 с.

Druzhinin A. 2016. Russia in Modern Eurasia: The Vision of a Russian Geographer. — *Quaestiones Geographicae*. Vol. 35. No. 3. P. 31-39. <https://doi.org/10.1515/quageo-2016-0035>

Taylor P., Walker D., Catalano G., Hoyler M. 2002. Diversity and Power in the World City Network. — *Cities*. No. 19. P. 231-241. [https://doi.org/10.1016/S0264-2751\(02\)00020-3](https://doi.org/10.1016/S0264-2751(02)00020-3)

DOI: 10.17976/jpps/2018.05.04

PROLONGATION OF THE “MOSCOW-CENTRIC” RUSSIAN SPACE: *PRO ET CONTRA*

A.G. Druzhinin^{1,2}

¹Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

²North-Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Rostov on Don, Russia

DRUZHININ Alexander Georgievich, Dr. Sci. (Geogr.), Professor, Research Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University; Director, North-Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University. Email: alexdru9@mail.ru

Druzhinin A.G. Prolongation of the “Moscow-Centric” Russian Space: *pro et contra*. — Polis. Political Studies. 2018. No. 5. P. 29-42. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.04>

Acknowledgements. The study was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-010-00015 “Models, Effects, Strategies and Mechanisms of the Inclusion of the Western Borderline of Russia into the System of ‘Horizontal’ Interregional Economic Relations in the Context of the ‘Greater Eurasia’”.

Received: 01.02.2018. Accepted: 18.04.2018

Abstract. The article analyzes the “Moscow-centric space” as a socio-geographic cultural-axiological and politico-economic phenomenon, and studies its retrospective review, factors and major symptoms.

The author assesses the feasibility and opportunity for Russia to be ‘un-Moscowed’, as well as the opportunity for Moscow to be “de-capitalized”, concerning the geo-economic and geopolitical realities. The article analyzes the historical trend of forming ‘Moscow-centric’ model of the organization of the Russian space. It is shown that the post-Soviet rapid growth of socio-economic asymmetry in the development of Moscow and “non-capital” regions of the Russian Federation leads not only to stagnation and degradation of the periphery, but also to the deepening of the crisis of Moscow itself. The latter is manifested in the reduction of migration growth of the population of the Moscow region, as well as the significant decrease in the share of Moscow residents in the money income of the Russian population, including the property income. The author emphasizes the economic and geopolitical risks of the invariants of “un-Moscowing” of Russia. Special attention is paid to the need, on the one hand, to re-develop the high-problematic Russian territories (including the border and maritime ones, as well as ones with the active cross-border connections), on the other hand – to implement very balanced attitude to the prospect of a polycentric development of the country.

Keywords: Russian space; center; periphery; polarization; Moscow-centric development; Moscow; human geography.

References

- Agafonov N.T., Lavrov S.B., Khorev B.S. Some Erroneous Concepts in Urban Studies. – *Proceedings of the Russian Geographical Society*. 1982. No. 6. P. 533-539. (In Russ.)
- Balatskii E.V., Gusev A.B. Syndrome of the Metropolitan Metropolis in the Russian Economic Space. – *Spatial Economics*. 2007. No. 4. P. 5-25. (In Russ.)
- Bezrukov L.A. Economic and Geographical Position of Siberia in Russia and the World. – *Geography and Natural Resources*. 2014. No. 3. P. 5-15. (In Russ.)
- Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe-XVIIIe siècle* (Russ. ed. Braudel F. Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV-XVIII vv. T. 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe. Moscow: Ves Mir Publishers. 2007. 592 p.)
- Busygina I.M. Center-Periphery Model, Federalism, and Problems of Modernization of Russian State. – *Political Science (RU)*. 2011. No. 4. P. 53-70. (In Russ.)
- Denisenko M.B., Stepanova A.V. Population Dynamics in Moscow over the Past 140 Years. – *Moscow State University Bulletin. Series 6. Economics*. 2013. No. 3. P. 88-97. (In Russ.)
- Druzhinin A. Russia in Modern Eurasia: The Vision of a Russian Geographer. – *Quaestiones Geographicae*. 2016. Vol. 35. No. 3. P. 31-39. <https://doi.org/10.1515/quageo-2016-0035>
- Druzhinin A.G. Metropolises and Metropolization in Modern Russia: Conceptual Approaches in the Context of Political Geography. – *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*. 2014. No. 1. P. 19-27. (In Russ.)
- Fedorov G.M., Mikhailov A.S., Kuznetsova T.Yu. The Influence of the Sea on the Economic Development and Settlement Structure in the Baltic Sea Region. – *Balt. Reg.* 2017. Vol. 9. No. 2. P. 7-27. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-2-1> (In Russ.) English version: Fedorov G.M., Mikhailov A.S., Kuznetsova T.Yu. The Influence of the Sea on the Economic Development and Settlement Structure in the Baltic Sea Region. – *Baltic Region*. 2017. Vol. 9. No. 2. P. 4-18. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2017-2-1>
- Gladkii Yu.N. *Rossiya v labirintakh geograficheskoi sud'by* [Russia in the Maze of Geographical Fate]. St. Petersburg: St. Peterburg: Yuridicheskii tsentr Press. 2006. 846 p. (In Russ.)
- Gumilev L.N. *Drevnyaya Rus' i Velikaya step'* [Ancient Rus and the Great Steppe]. Moscow: Mysl'. 1989. 766 p. (In Russ.)
- Haggett P. *Geography – A Global Synthesis*. (Russ. ed.: Haggett P. Geografiya: sintez sovremennykh znaniy. Moscow: Progress. 1979. 685 p.)
- Il'in I.A. *O Rossii. Tri rechi. 1926-1933* [About Russia. Three Speeches]. Sophia: Za Rossiyu. 1934. 78 p. (In Russ.)
- Kaganskii V.L. *Kul'turnyi landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo: Sbornik statei* [Cultural Landscape and Soviet Habited Space: collected articles]. Moscow: New Literary Observer. 2001. 576 p. (In Russ.)
- Kalutskov V.N. Cultural and Geographical Zoning of Russia: Geoconceptual Approach. – *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*. 2015. No. 22. P. 85-94. (In Russ.)
- Khorev B.S. *Problemy gorodov* [Problems of Cities]. Moscow: Mysl'. 1975. 428 p. (In Russ.)
- Khorev B.S. *Regional'naya politika v SSSR* [Regional Policy in the USSR]. Moscow: Mysl'. 1989. 285 p. (In Russ.)
- Klemeshev A.P., Korneevets V.S., Palmowski T., Studzieniecki T., Fedorov G.M. Approaches to the Definition of the Baltic Sea Region. – *Balt. Reg.* 2017. Vol. 9. No. 4. P. 7-28. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-4-1> (In Russ.) English version: Klemeshev A.P., Korneevets V.S., Palmowski T.,

Studzieniecki T., Fedorov G.M. Approaches to the Definition of the Baltic Sea Region. — *Baltic Region*. 2017. Vol. 9. No. 4. P. 4-20. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2017-4-1>

Kolosov V.A., Vendina O.I., Borodulina N.A., Seredina E.V., Fedorov D.R., Klimanov V.V. The Creation of New Business Environment in Moscow: Trends and Contradictions. — *Izvestiya AN. Seriya geograficheskaya*. 1998. No. 5. P. 5-12. (In Russ.)

Kolosov V.A., Vendina O.I., Ekkert D. Regional'nye tsentry v usloviyakh globalizatsii: problemy sravnitel'nykh issledovaniy [Regional Centers in the Context of Globalization: Problems of Comparative Studies]. — *Krupneishie goroda i vyzovy globalizatsii*. Pod red. V.A. Kolosova, D. Ekkerta [Largest Cities and Challenges of Globalization. Ed. by V.A. Kolosov, D. Ekkert]. Moscow, Smolensk: Oikumena. 2003. P. 5-16. (In Russ.)

Kuznetsova O.V. Moscow as the Federal Regional Policy Object. — *Scientific Articles – Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences*. 2016. No. 1. P. 606-621. (In Russ.)

Lappo G.M. Formirovaniye seti gorodov na territorii Rossii [Formation of a Network of Cities in Russia]. — *Problemy urbanizatsii na rubezhe vekov*. Otv. red. A.G. Makhrova. Smolensk: Oikumena. 2002. P. 19-34.

Makarenko V.P. The 'Own Strange': Concept of Russian Power. — *The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*. 2010. No. 2. P. 130-174. (In Russ.)

Makhrova A., Nefedova T., Treivish A. Moscow Agglomeration and the "New Moscow". — *Pro et Contra*. 2012. No. 6. Vol. 57. P. 19-32. (In Russ.)

Mezhdum domom... i domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya Rossii [Between the House ... and the House. Return Spatial Mobility of the Population of Russia]. Moscow: New Chronograph Publishing. 2016. 504 p. (In Russ.)

Pertsik E.N. *Geografiya gorodov (geourbanistika)* [The Geography of Cities (Geourbanistics)]. Moscow: Vysshaya Shkola Publishers. 1991. 319 p. (In Russ.)

Pulyarkin V.A. *Lokal'nye tsivilizatsii vo vremeni i v prostranstve* [Local Civilizations in Time and in Space]. Moscow: Eslan. 2005. 536 p. (In Russ.)

Rodoman B.B. Strana permanentnogo kolonializma [Country of Permanent Colonialism]. — *Transformatsiya rossiiskogo prostranstva: sotsial'no-ekonomicheskie i prirodno-resursnyye faktory (polimasshtabnyi analiz)* [Transformation of the Russian Space: Socio-Economic and Natural Resource Factors (Multiscale Analysis)]. Moscow: Institute of Geography, Russian Academy of Sciences. 2008. P. 130-138. (In Russ.)

Savitskii P.N. Kontinent-Okean (Rossiya i mirovoi rynek) [Continent-Ocean (Russia and the World Market)]. — *Kontinent-Evraziya* [Continent Eurasia]. Moscow: Agraf. 1997. P. 398-418. (In Russ.)

Smirnyagin L.V. *Obshchestvennaya geografiya. Federalizm. Regionalizm* [Human Geography. Federalism. Regionalism]. Moscow: KomKniga. 2005. 464 p. (In Russ.)

Sushchii S.Ya., Druzhinin A.G. *Ocherki geografii russkoi kul'tury* [Essays on Geography of Russian Culture]. Rostov on Don: Southern Federal University Publishers. 1994. 576 p. (In Russ.)

Taylor P., Walker D., Catalano G., Hoyler M. Diversity and Power in the World City Network. — *Cities*. 2002. No. 19. P. 231-241. [https://doi.org/10.1016/S0264-2751\(02\)00020-3](https://doi.org/10.1016/S0264-2751(02)00020-3)

Treivish A.I. *Gorod, raion, strana i mir. Razvitiye Rossii glazami stranoveda* [City, District, Country and World. the Development of Russia Through the Eyes of the Country Expert]. Moscow: New Chronograph Publishing. 2009. 372 p. (In Russ.)

Turovskii R.F. Subnational Regions in Global Politics. — *Polis. Political Studies*. 2011. No. 2. P. 99-117. (In Russ.) URL: <http://www.politstudies.ru/en/article/4399>

Vendina O.I. Migrants in Russian Cities. — *Otechestvennye zapiski*. 2012. Vol. 3. No. 48. P. 216-229. (In Russ.)

Vodarskii Ya.E. *Naseleniye Rossii v kontse XVII – nachale XVIII veka* [The Population of Russia in the Late XVII – Early XVIII Century]. Moscow: Nauka. 1977. 263 p. (In Russ.)

Zamyatin D.N. Geocracy. Eurasia as the Image, Symbol and Project of Russian Civilization. — *Polis. Political Studies*. 2009. No. 1. P. 71-99. (In Russ.) <http://www.politstudies.ru/en/article/4085>

Zimin A.A., Khoroshkevich A.L. *Rossiya vremeni Ivana Groznogo* [Russia of the Times of Ivan the Terrible]. Moscow: Nauka. 1982. 184 p. (In Russ.)

Zubarevich N.V. Capital Status Rent. — *Pro et Contra*. 2012. No. 6. Vol. 57. P. 6-19. (In Russ.)

Zubarevich N.V. Crises in Post-Soviet Russia: A Regional Projection. — *Regional Research*. 2015. No. 1. Vol. 47. P. 23-31. (In Russ.)